Пути России

Историзация социального опыта

Новое
Литературное
Обозрение

2013

УДК 30(061.3)
ББК 60я431
П90

Московская высшая школа социальных
и экономических наук

Междисциплинарный академический центр
социальных наук (Интерцентр)

Под общей редакцией
М.Г. Пугачевой и В.П. Жаркова

П90 **Пути России. Историзация социального опыта** /
Том XVIII. — Новое литературное обозрение, 2013. —
632 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0054-6

В сборнике представлены статьи участников XVIII международного симпозиума «Пути России. Историзация социального опыта», проходившего 4—5 февраля 2011 года. Авторы — историки, философы, социологи, экономисты, культурологи — осмысливают преобразования в России последних двадцати лет и шире — всего последнего столетия. По словам составителей, «историзация прошлого... заключается в его сохранении как некоего уникального и неповторимого опыта, не столько "преподающего уроки", сколько вызывающего любопытство. Отдельными задачами здесь также могут стать определение социальных рамок памяти и деконструкция исторических мифов». В круг обсуждаемых проблем входят политика, культура, стиль жизни, образование и другие важные сферы российской действительности.

УДК 30(061.3) + 316.7(061.3)
ББК 60я431 + 60.52я431 + 71.0я431

© Авторы, 2013
© Оформление. ООО «Новое литературное обозрение», 2013

От редакции

Общая тема восемнадцатого по счету симпозиума «Пути России» в 2011 году была заявлена как «Историзация социального опыта». И дело тут, конечно, не только и не столько в том, что условный возраст совершеннолетия проекта, реализуемого Теодором Шаниным, Интерцентром и Московской высшей школой социальных и экономических наук, совпал с двадцатилетием распада СССР и рождения, как тогда казалось, новой демократической России. Наш интерес к прошлому, разумеется, не ограничен исключительно рамками актуальной публицистики. Сверхзадача «Путей России», скорее, состоит в том, чтобы найти баланс между политической актуальностью и миром академической теории, построив таким образом коммуникативный мост между комьюнити ученых и гражданским обществом.

В условиях нового времени историческое прошлое имеет статус *другого*. В этом плане историзация может рассматриваться как процесс превращения событий прошлого в нечто, что не имеет определяющего значения в настоящем, но может вызывать интерес как то, что имело место ранее, а теперь существовать уже не может, а потому выглядящее необычным. Историзация прошлого, таким образом, заключается в его сохранении как некоего уникального и неповторимого опыта, не столько «преподающего уроки», сколько вызывающего любопытство. Отдельными задачами здесь также могут стать определение социальных рамок памяти и деконструкция исторических мифов.

Между тем, как пишет Марк Найдорф, историзация, образуемая человеческим действием, зависит от того, насколько широко простирается связность событий, наполняющих современность. С этой точки зрения историзация вряд ли возможна, «пока в турнирной таблице не заполнены все клетки». Если существует возможность обратного влияния новых событий, происходящих здесь и сейчас, на смысл и значение предшествующих событий —

*Игорь Христофоров**

РИТОРИКА ОБРАЩЕНИЯ К «ИСТОРИИ» ПРИ РЕШЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ В XIX в.

Отмена крепостного права 150 лет тому назад проводилась режимом, уверенным в своем будущем и заинтересованным в том, чтобы эта уверенность была всеми прочувствована. Поэтому церемониальная неспешность и акцентирование исторической преемственности стали необходимыми элементами символического обеспечения преобразования. В число задач реформаторов и сочувствовавших им общественных кругов неизбежно должно было войти построение связного исторического нарратива о происхождении и эволюции крепостного права в отдаленном и недавнем прошлом. Собственно, процесс этот начался еще в 1830—1840-е гг., когда вопрос об общей крестьянской реформе стал впервые всерьез обсуждаться в «верхах».

Речь идет не о том, что такие исторические экскурсы сводились лишь к риторическому обоснованию предлагаемых мер, а само обращение к истории было лишь формальным следованием бюрократическому канону, согласно которому всякий проект должен был включать в себя подробную «историю вопроса». Как раз наоборот, то или иное понимание истории как важнейшая часть более общей «картины мира», на наш взгляд, определяло само существо принимавшихся законов и

* Христофоров Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

текущей административной политики. Далее мы проанализируем некоторые ключевые, на наш взгляд, сюжеты и тексты, связанные с историзацией крестьянского вопроса в XIX в.

В 1836 г., за три года до своей смерти, М.М. Сперанский, который в то время был председателем департамента экономии Государственного совета и, давно расставшись с максимализмом молодости, стал одним из олицетворений умеренного реформаторства николаевской эпохи, составил записку под названием «Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян». В этом тексте он, как сейчас сказали бы, с опорой на источники (законы и актовый материал) рисовал ставшую позже классической картину двухэтапного закрепощения крестьян — сначала прикрепления их к земле и лишь в XVIII в. — к помещику. Общий вывод Сперанского — и тот и другой варианты крепостного права «законны», поскольку «возникли не злоупотреблением, не произволом владельцев, но основались сперва обычаем, а потом законом». Однако *другие* законы ограничивают права помещика в отношении крепостных. В отличие от прежних рабов (холопов), «крепостной крестьянин принадлежит прежде всего государю», что выражается в его обязанности платить подушную подать и в рекрутской повинности. Лишь во вторую очередь он принадлежит помещику, да и то не полностью — согласно известному указу Павла I, тот имеет право лишь на половину его работы (3 дня в неделю), но взамен обязан «доставлять крестьянину средства к пропитанию». По мнению Сперанского, это означало, в частности, что при продаже крепостного отчуждается не он сам, а «не более как право трехдневной работы», причем вместе с сопутствующими этому праву обязанностями[1].

Год написания записки — это решающее время подготовки реформы государственной деревни, в которой Сперанский вместе с будущим первым министром государственных иму-

[1] Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 2. СПб., 1859. С. 27—51.

ществ П.Д. Киселевым играл ключевую роль[2]. Так что, обращаясь к истории, он, разумеется, хотел прежде всего аргументировать свою программу решения крестьянского вопроса. Эта программа базировалась в 1820—1830-е гг. на идее общей регламентации и облечения в четкие правовые формы прав землевладения и землепользования казны, помещиков и крестьян. Крепостное право намечалось не отменить, а лишь подвергнуть тотальному правительственному регулированию, при этом для способных к тому крестьян и желающих помещиков открывался путь к выкупу личной свободы.

Иначе говоря, Сперанский предлагал как бы пройти исторический путь крепостного права в обратную сторону: сначала восстановить, так сказать, первый его вариант, привязав крестьянина к земле, и лишь потом дать личную свободу за выкуп. С одной стороны — политической — это был в высшей степени консервативный путь, зато он соответствовал представлениям Сперанского о нежелательности экспроприации частной собственности и выхода за пределы существующего права. Но с другой — административно-технологической стороны — этот путь был по настоящему революционным, поскольку требовал массированного административного вмешательства в отношения помещиков с крестьянами, всеобщего межевания, кадастра, выстраивания мощной административной системы и т.д. Зато он обещал не только решение крестьянского вопроса, но и рационализацию отношений собственности в империи в целом. Что было характерно не только для Сперанского, но и для многих сановников его поколения, так это унаследованная от эпохи камерализма и идеологии Polizeistaat вера, что администрация в состоянии выполнить любые рационально сформулированные задачи, если дать ей

[2] См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., 1948; *Христофоров И.А.* От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4.

нужные время и ресурсы[3]. Позднее в это верила лишь технократически настроенная бюрократия столыпинских времен[4]. Надо ли говорить, что программа отмены крепостного права через «поворот истории вспять» не была осуществлена?

Спустя 40 лет, в 1876 г., другой известный российский правовед-цивилист и государственный деятель К.П. Победоносцев опубликовал «Исторические очерки крепостного права в России». Эта монография была основана на серии статей, появившихся в «Русском вестнике» М.Н. Каткова еще в 1858 и 1861 гг., то есть тогда, когда эта тема по понятным причинам была особенно актуальна, а сам Победоносцев был еще очень молодым и относительно прогрессивно настроенным ученым-юристом[5]. В своих давно забытых ныне «Очерках» будущий обер-прокурор Синода предложил новаторский подход к не новой тогда уже проблеме происхождения крепостного права, по которой к тому времени высказались такие авторитеты, как К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и И.Д. Беляев (все они, mutatis mutandis, были близки к позиции Сперанского). Победоносцев же фактически опровергал подход и Сперанского, и основоположников «государственной школы», и славянофила Беляева.

«Общественному сознанию в XVI и XVII столетиях был недоступен тот анализ, с которым мы теперь обращаемся к бывшему до 1861 года вотчинному владению населенными землями, — писал он. — Тогда... едва ли кто-нибудь думал о том, какой

[3] Ср. с выводом Марка Раева: «Для Сперанского все важные проблемы в конце концов сводились к техническим проблемам администрации» (*Raeff M.* Michael Speransky, Statesman of Imperial Russia, 1772—1839. 2nd ed. The Hague, 1969. P. 365). О «полицейском государстве» см.: *Idem.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800. New Haven, 1983.

[4] См.: *Pallot J.* The Stolypin Land Reform as «Administrative Utopia»: Images of Peasantry in Nineteenth-century Russia // Social Identites in Revolutionary Russia. NY., 2001. P. 113—133.

[5] См. о Победоносцеве: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

смысл заключается в словах: владеть людьми, и какой в словах: владеть землею, чем оба понятия отличаются одно от другого... Тот, кто имел власть, владел бессознательно и бессознательно же стремился к распространению своей власти... Владелец привыкал смотреть на крестьянина как на свою принадлежность, не заботясь о том, чтобы выяснить самому себе право свое на человека и положить этому праву твердые границы». Юридически же крепостное право оформляется очень поздно, настаивал Победоносцев, во второй половине XVIII в., и совсем не как ответ на потребности государства, а как результат общественной полемики: сначала противники крепостного права выступали за переход к «более разумному порядку», приверженцы старого вынуждены были им отвечать, и так возникла сама потребность в более четком понимании, а затем и оформлении самого института[6].

На наш взгляд, разница в подходах Сперанского и Победоносцева имеет достаточно фундаментальный характер. Несколько упрощая, можно сказать, что рационализму Сперанского у Победоносцева противостоит своего рода «антропологический» подход. Сперанский не просто ищет и находит в XVI—XVII вв. аналоги современных ему правовых категорий — его взгляд как будто предполагает, что правовая реальность XVI и XIX столетий абсолютно гомогенна. Главный актор его версии истории крепостного права — государство, причем русское государство столь разных эпох для него — один и тот же субъект права. Поэтому он без труда переводит законодательство разных времен на собственный правовой язык, основанный, разумеется, на категориях римского права. Победоносцев же принципиально отказывается от подобной операции. В результате, согласно его концепции, получается, что государство — не демиург, творящий реальность, и не рациональная инстанция, действующая в интересах «общего блага».

[6] *Победоносцев К.П.* Исторические исследования и статьи. СПб., 1876. С. 1—24, 174—201.

Действия власти невозможно понять вне особенностей типичных для эпохи форм мышления и доминирования. Характерно употребление эпитета «бессознательно» — не во фрейдистском, конечно, смысле, а именно в смысле отсутствия рационального целеполагания. Обращает на себя внимание невольно возникающий образ «барьера», как бы отделяющего для Победоносцева современные ему реалии от исторических. Современность же для него совершенно закономерно наступает лишь во второй половине XVIII в.

Какая «революция в сознании» случилась за четверть века, отделяющую два текста — Сперанского и Победоносцева? Очевидна мысль о влиянии на Победоносцева так называемой исторической школы права, родоначальниками которой стали в Германии еще в начале века Г. Гуго и Ф.-К. фон Савиньи[7]. В целом такое влияние бесспорно. Известно, например, что он положил в основу своего «Курса гражданского права» категориальный аппарат, так сказать, национального, русского происхождения, отказываясь считаться с классической номенклатурой римского права. С другой стороны, Сперанский тоже сделал исходной точкой своей работы по кодификации права и созданию Полного собрания и Свода законов Российской империи приоритет исторически существующего права перед доктриной[8]. Кроме того, во времена Победоносцева идеи исторической школы права были, мягко говоря, уже не новостью, а их ограниченность и узость были общепризнанными.

Поиски более адекватных подходу Победоносцева аналогов и параллелей приводят к другой, совершенно новой научной дисциплине. Еще в 1843 г. молодой геттингенский доцент

[7] Современный взгляд на историческую школу права см. в работе крупнейшего немецкого юриста: *Böckenförde E.W.* State, Society, and Liberty: Studies in Political Theory and Constitutional Law. NY., 1991. P. 7—11.

[8] Хотя, по общему мнению историков права, он и пытался (небезуспешно) «протащить» под видом инкорпорации совершенно неизвестные существовавшему праву новеллы. См., например: *Raeff M.* Michael Speransky. P. 336—344.

Вильгельм Рошер в своей первой книге «План лекций по государственному хозяйству в соответствии с историческим методом» писал: «Государственное хозяйство — это не хрематистика, не искусство становиться богатым, а политическая наука, то есть такая, которая имеет дело с оценками людей и контролем над людьми. Наша цель — описывать мысли, желания и чувства людей, их устремления и пристрастия... Такое описание возможно лишь в теснейшем взаимодействии с другими гуманитарными науками»[9]. От появления этих слов принято отсчитывать время существования так называемой «старой исторической школы» в политэкономии. Конечно, для экономической науки этот «антропологический поворот» середины XIX в. остался скорее декларацией[10].

Реализовать ее на практике в 1850-е гг. попытался другой забытый ныне «классик», Вильгельм Риль — лишенный серьезной академической подготовки публицист, попытавшийся пересмотреть само предметное поле науки о государственном хозяйстве. «Естественная история народа как основа немецкой социальной политики»[11] — так назывался обширный и очень популярный в 1850—1860-е гг. в Германии труд Риля, посвященный обычаям и нравам различных немецких регионов. Центральное место в нем занимал концепт «народной культуры» со всеми присущими ему характерными чертами и коннотациями. Соответственно, Риль остался в истории науки не как экономист (хотя он долгое время занимал в Мюнхене именно кафедру политэкономии), а как один из основоположников «народоведения» (*Volkskunde*) — очень идеологизированного,

[9] *Roscher W.* Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft, nach geschichtlicher Methode. Göttingen, 1843. S. IV (цит. по: *Lindenfeld D.F.* The Practical Imagination. The German Sciences of State in the Nineteenth Century. Chicago, 1997. P. 155).

[10] *Lindenfeld D.F.* The Myth of the Older Historical School of Economics // Central European History. 1993. No. 26. P. 405—416.

[11] *Riehl W.H.* Die Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen Socialpolitik. Bd. 1. Land und Leute. Stuttgart, 1851.

особенно в германском контексте, направления исторических и этнографических штудий[12].

В России в тех же годах труды Риля пользовались большой популярностью. Ими интересовались и западнический «Русский вестник», и Н.Г. Чернышевский, и славянофилы[13]. Дело в том, что, сочувствуя аристократии, носителем «чистой» народной культуры Риль объявлял крестьянство. Именно это привлекло к нему внимание славянофила Юрия Самарина, который был, наверное, одним из самых авторитетных пореформенных русских политиков и публицистов и, помимо прочего, одним из трех основных авторов крестьянской реформы 1861 г. Характерно, как именно Самарин определял заслуги этого, по его определению, «западного славянофила». В 1858 г., полемизируя с академическим экономистом А.И. Бутовским, который как сторонник манчестерской доктрины был противником общины и апеллировал к разуму, Самарин с большой похвалой отзывался об ученых, которые «старались уловить именно те невольные, необдуманные заранее, неподготовленные никем явления, в которых, так сказать, без ведома самого народа, и именно потому безошибочно проговаривался смысл его внутренней жизни. Никто так прекрасно не выразил ис-

[12] Для понимания ключевой роли Риля в истории немецких идеологий достаточно сказать, что, с одной стороны, он считал своим учителем классика раннего немецкого национализма Эрнста Арндта, а с другой — был весьма почитаем нацистами, даже учредившими в области народоведения специальную премию «имени Риля». Немецкий историк К. Бергман считал его «основателем» очень популярного в Европе «аграрного романтизма», неразрывно связанного с «урбанофобией». См.: *Smith W.D.* Politics and the Sciences of Culture in Germany, 1840—1920. Oxford, 1991; *Altenbockum A.* Wilhelm Heinrich Riehl, 1823—1897. Sozialwissenschaft zwischen Kulturgeschichte und Ethnographie. Köln, 1994; *Baumann D.* Agrarromantik und Grossstadtfeindschaft. Meisenheim am Glam, 1970.

[13] См. детальное исследование на эту тему немецкого филолога П. Тиргена: *Thiergen P.* Wilhelm Heinrich Riehl in Rußland (1856—1886). Studien zur russischen Publizistik und Geistesgeschichte der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Gießen, 1978.

торического значения бессознательного, простонародного быта, как Риль в известной книге *Land und Leute*. Там, между прочим, встречается это счастливое выражение — простой народ — это обломок истории»[14].

Вновь отметим категорию «бессознательное», обозначающую отсутствие рационалистического начала. У Победоносцева она маркирует «древность», причем скорее в негативном или, во всяком случае, нейтральном смысле, у Самарина же окрашивается в позитивные, даже теплые тона. Поскольку крестьяне — обломок истории, так сказать, уникальные свидетели и носители древности, то выходит, что Самарин, признавая барьер между культурами, который воздвигал Победоносцев, помещает его не между прошлым и настоящим, а прямо в настоящем, между крестьянами и некрестьянами.

Понятно, что такой подход открывал перед Самариным, как и перед Рилем, достаточно широкие перспективы конструирования основных начал «народного духа», а самое главное — приспособления к этим началам правительственной политики. В конце 1860 г. в «Объяснительной записке к проектам Редакционных комиссий» Самарин мотивировал цель крестьянской реформы прежде всего исторически. Крепостное право появилось из потребности правительства прекратить вредную подвижность земледельцев. То же самое утверждали западники Соловьев и Чичерин. Но для славянофила было важно не гегельянское акцентирование роли государства в этом процессе, а создание специфического образа крестьян. У постепенного прикрепления их к земле и к владельцу, писал он, были не только отрицательные последствия: им «спасена была для лучших времен крестьянская оседлость». «Отрешиться теперь от этой исторической основы (то есть освободить крестьян без земли. — *И.Х.*)... значило бы возвратить Россию к тому критическому положению, в котором она находилась накануне прикрепления»[15].

[14] *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. Т. 3. М., 1885. С. 83—84.
[15] Там же. Т. 4. М., 1911. С. 249—250.

Резкая параллель между Смутой и возможным ее повторением в случае безземельного освобождения, с одной стороны, конечно, актуализировала традиционные для власти страхи перед массовым бродяжничеством и пугачевщиной. Но с другой — реформа получала свое символическое место в вековой истории государства Российского и царствующей династии. Как и в начале XVII в., Романовым предстояло преодолеть гражданскую рознь. Две эпохи — появления крепостного права и его уничтожения — символически сливались. В обеих выделялось ключевое понятие — «оседлость», символизировавшее архетипическую связь крестьян с землей. Целью крестьянской реформы объявлялся выкуп земли как способ перекинуть мостик из прошлого в будущее.

Как и у Сперанского, достичь этой цели предполагалось последовательным прохождением целого ряда этапов: двухлетнего периода перехода с барщины на оброк и составления уставных грамот; неопределенного по продолжительности временно-обязанного состояния (до перехода на выкуп), а затем — 49-летнего периода выплаты выкупной ссуды. Почему так долго? По Самарину, «переходное состояние не только неизбежно» — оно, как и прикрепление крестьян к земле во времена Смуты, «даже в некоторых отношениях полезно» для воспитания крестьян, то есть для перехода их из бессознательного в сознательное состояние. Как и остальные образы у Самарина, этот не случаен. В своих текстах он постоянно возвращался к эпической картине пробуждающегося ото сна и как бы стряхивающего с себя вынужденный вековой инфантилизм крестьянства. При этом, отстаивая стратегию «непредрешения» органического развития крестьянского быта, он видел роль «воспитателей» (правительства и дворянства) преимущественно охранительно-пассивной: взросление — естественный процесс, вмешательством в который легче навредить, чем помочь.

Таким образом, у Сперанского, с одной стороны, и Победоносцева с Самариным, с другой, просматриваются две рази-

тельно отличающиеся образные системы и соответственно две принципиально разные программы решения крестьянского вопроса. Различия коренились, конечно, не в разной степени «прогрессивности», а в разном видении общих целей, а значит, и средств реформы. Сперанский не то чтобы отказывал крестьянам в каком-то особом культурном *raison d'etre*; он просто не видел ни причин, ни необходимости его искать. Трудно обвинить его и в антиисторизме; однако этот историзм, как сказал бы человек эпохи Самарина, оставался формально-юридическим, чуждым «органики» истории (натуралистические метафоры можно считать ключевыми для пореформенного времени).

В принципе, сугубо рационалистический подход разделялся многими и в 1850—1860-е гг., в эклектичное время сосуществования прежнего просвещенческого и нового органицистского взглядов на общество. Порой они даже не конфликтовали, а мирно уживались, в том числе в суждениях одного и того же человека. Правда, Самарин был одним из тех, кого трудно было обвинить в непоследовательности (на прямо противоположном мировоззренческом краю столь же последовательным был Б.Н. Чичерин). Аналогичным образом, верность экономическому рационализму, старым добрым принципам *laissez faire, laissez passer* легко уживалась с декларациями о приверженности догматам исторической школы (в действительности очень расплывчатым). Так было, например, у И.К. Бабста, самого авторитетного русского последователя Рошера[16]. Наверное, именно благодаря такой эклектике в крестьянском вопросе представители обоих течений в 1860—1870-е гг. достигли определенного компромисса на почве невмешательства в жизнь крестьян: «органицисты» (к которым кроме славянофилов принадлежали и многие радикалы типа А. Герцена и народников) считали такое вмешательство посягательством на народную жизнь, либералы видели в нем нару-

[16] См.: *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России: 1805—1905. М., 2009. С. 156—162.

шение принципа свободы экономической деятельности. Собственно, именно этот компромисс лег в основу «Положений 19 февраля».

Принято считать, что *историческое* логически и идеологически противостоит *естественному*, природному как вневременному. В самом деле, концепция *естественных прав* человека и гражданина (и нации) выросла на отрицании *исторических прав* монархий и сословий. Но уже в первой половине XIX в. расклад стал иным. *Натурализация* исторического и историзация природного прокладывали путь европейскому модерну. В этом контексте избитое положение об отмене крепостного права как о рубеже между старой и новой Россией приобретает неожиданно свежий смысл.

Вячеслав Бахмин. О практиках проактивной социальной мобилизации 378
Полина Колозариди. Интернет как среда и технология протеста: оправданы ли ожидания? 388
Алек Эпштейн. Арт-группа «Война»: феномен радикального акционистского протеста в современной России и его социально-политические границы 397

Раздел 4
ВТОРАЯ РОССИЯ — ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И САМООРГАНИЗАЦИЯ

Валерий Виноградский. Конец «живого беспорядка» 415
Татьяна Нефедова. Географический подход к исследованию сельской России 437
Ольга Виноградская. Метафизика очевидного: повседневные хозяйственно-экономические практики сельской России 456
Любовь Овчинцева. Перспективы коллективного садоводства в эпоху торжества частной собственности 467
Алексей Пономарев. Социальная память сельского поселения (на материалах Удмуртской Республики) 485
Леонид Гонин. Развитие кооперативов в деревнях Удмуртии 491
Александр Яковлев. Легитимация политической власти в современной России как элемент самоорганизации 497
Ревекка Фрумкина. «Новые маргиналы» и укорененные «понаехавшие» 508
Мария Савоскул. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах 512
Игорь Христофоров. Риторика обращения к «истории» при решении крестьянского вопроса в правительственных кругах в XIX в. 528
Игорь Нарский. «Мы были счастливы!» Следы женских структур приватной самоорганизации и коммеморации XX — начала XXI в. в наивных мемуарах 540
Дмитрий Рогозин. Воспитание по-голливудски: «Добро пожаловать в Зомбиленд» 554

Раздел 5
КУЛЬТУРА АКАДЕМИЧЕСКОГО ВОСПОМИНАНИЯ

Ирина Савельева. Университетское образование и формирование памяти о корпорации 571

Елена Вишленкова. Коммеморативная культура российского университета XIX в. 584
Владимир Файер. Корпоративная память vs личное воспоминание 599
Антон Свешников, Борис Степанов. Классик переходного периода Л.П. Карсавин в историографической культуре советского и постсоветского времени 609